

Наталья Петровна НОСОВА¹

УДК 94 (470+570) „1920“

ОТ ЦАРИЗМА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МНОГОУКЛАДНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

¹ доктор исторических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Тюменский государственный университет
nosova-np@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка выявления специфики управления многоукладной крестьянской экономикой с точки зрения изучения особенностей формирования парадигмы — модели взаимоотношений государства с большинством населения страны, не являвшимся политической основой власти. Проблема рассматривается в методологии, прежде всего, политического дискурса как анализа явных и скрытых политических смыслов становления новой власти.

Проведенный анализ показал, что в течение всего исследуемого периода оба сектора крестьянской экономики — и индивидуальный, и социалистический — развивались. Однако возможности их развития оказались неодинаковыми. В экстремальных условиях революции и гражданской войны сложилась «военно-коммунистическая» система управления, которая состояла из вынужденных элементов, диктуемых обстоятельствами, и элементов социалистического штурма. Поиски компромисса с крестьянством в конце гражданской войны привели к возрождению товарно-денежных отношений, рынка. Успехи в оживлении и восстановлении сельского хозяйства были очевидны.

Анализируемый в статье материал позволяет показать, что к концу 1920-х гг. государство возвращается к мерам самой крайней регламентации индивидуального крестьянского

Цитирование: Носова Н. П. От царизма к новой экономической политике. Проблемы регулирования многоукладной крестьянской экономики в Советской России / Н. П. Носова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 191-209.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-191-209

хозяйства, подготовив тем самым «решительный бросок» в сторону его уничтожения. Будущее ошибочно связывалось с крупным индустриальным производством, в том числе и в сельском хозяйстве. Мелкое же хозяйство объявлялось неперспективным.

Результатом стало стремление к огосударствлению всех сфер крестьянской экономики, переход от наметившихся рыночных отношений к государственной контрактации, форсирование развития социалистического сектора при отсутствии экономической и психологической готовности крестьян, составлявших большинство населения страны.

Ключевые слова

Государственное регулирование, сельское хозяйство, крестьянское хозяйство, советское государство, новая экономическая политика, «военный коммунизм».

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-191-209

Любая революция, выполняя неизбежные разрушительные функции, несет в себе и созидательное начало. А строительство нового общества выдвигает на передний план задачи управления им. Своеобразие управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в крестьянской стране. Эволюция Советской России — один из уникальных исторических примеров того, как государственная власть активно создавала хозяйственную систему в соответствии со своими интересами. Сформировалось уникальное явление — советская экономика, «экономика выживания», имеющая высокую степень государственного вмешательства.

Сегодня складывается другая экономика. Но (удивительный феномен) в деревне продолжает действовать «синдром выживания», вырабатываются меры защиты в новых условиях, проявляется тенденция вернуться к крупным кооперативным или государственным хозяйствам, не срабатывает принцип заинтересовать крестьян землей. В чем тут дело? Каковы дальнейшие перспективы развития, возможно ли воздействовать на эти процессы, направлять их и управлять ими?

В поисках ответа полезно, как представляется, обращение к опыту становления той власти, которая почти столетие определяла пути развития России и, вне всякого сомнения, оказала немалое воздействие на ее сегодняшнее состояние. Именно в это время, когда нащупывались пути регулирования такой сложной сферы, как аграрное производство, были заложены многие из тех ошибок, которые впоследствии стали трагическими для страны. Важно изучить этот феномен, уяснить, что в нем можно развивать, а что безнадежно устарело, какие уроки необходимо извлечь.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России был предопределен как всем ходом предшествующего развития, так и конкретно сложившейся ситуацией, связанной с приходом к власти большевиков и поиском модели регулирования многоукладной крестьянской экономики. Особенно интересным оказался опыт новой экономической политики. Поэтому хроно-

логия исследования определена как период «от царизма к новой экономической политике».

Управление крестьянской экономикой не замыкалось только на сфере хозяйственной деятельности, оно охватывало социальную, идеологическую, психологическую, культурную и другие области, т. е. является необычайно сложным и многоплановым предметом исследования. Учитывая это, мы ограничим сферу нашего интереса проблематикой взаимосвязи государства с крестьянством и аграрной экономикой, в которой первое выступает в качестве основы политической системы общества, основного собственника земли субъекта управления. Особое место в этой взаимосвязи и взаимозависимости занимает крестьянство и экономические отношения, которые складываются в результате его хозяйственной деятельности.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Проблема взаимоотношений государства и крестьянства неоднократно обсуждалась в советской исторической и экономической научной литературе. Специальных работ по государственному управлению сельским хозяйством в рассматриваемый период нет, но имеется довольно обширная литература по смежным проблемам, позволяющим использовать накопленный опыт исследования. Проблематика формирования модели отношений советского государства и крестьянства в контексте государственного управления сельским хозяйством находится на стыке двух традиционных направлений историографии: истории крестьянства сельского хозяйства, а также истории советской государственности. Этим проблемам посвящена обширная исследовательская литература. Ее оценку можно найти в историографических обзорах по истории советского государства [3, 4], истории крестьянства и советской аграрной истории [5, 13]. Особую группу работ составляют исследования по истории экономических проблем советского сельского хозяйства [11, 24, 25].

В современной отечественной литературе происходит переоценка существовавших ранее позиций. С точки зрения изучаемых проблем поворотным моментом стала сформулированная выдающимся отечественным историком-аграрником В. П. Даниловым научная концепция «Крестьянская революция в России» [10]. Изложенные в ней идеи развиваются в работах его учеников и последователей. Происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории [9, 12, 14, 23]. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века: историография и источники» [1].

Серьезный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [26, 28, 29, 30, 31]. Защищаются диссертационные работы, анализирующие совместное сотрудничество российских и зарубежных исследователей [8].

Однако процесс формирования советской модели регулирования многоукладной крестьянской экономики нельзя отнести к числу хорошо изученных проблем. Картина отношений государства и крестьянства не может считаться полной без

рассмотрения их в различных секторах аграрного производства. В статье предпринята попытка выявить специфику управления индивидуальным сектором аграрного производства с точки зрения изучения особенностей формирования парадигмы, модели взаимоотношений государства с большинством населения страны, не являвшимся политической основой власти. Предлагаемый исследовательский подход дает возможность в сконцентрированном виде выявить комплекс мер государственной политики, приведших к форсированию одних форм хозяйствования и уничтожению других, и проследить их влияние на состояние сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период.

Грандиозные задачи, которые поставила перед страной новая власть, требовали, прежде всего, решения сложнейшей проблемы управления экономикой, что зависело от определения принципов, методов и форм хозяйствования. Особенно трудно это было сделать в крестьянской экономике. Важнейшим элементом производительных сил крестьянского хозяйства является земля. Коренная перестройка форм землевладения и землепользования, всей системы поземельных отношений на основе национализации земли стала одной из главнейших предпосылок, определивших направление и пути социально-экономического развития деревни в 1917-1929 гг. От обеспеченности крестьянства главным средством производства — землей в первую очередь зависело состояние крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства в целом. Поэтому одной из важнейших функций советского государства как собственника земли становится управление единым земельным фондом. Одним из основных каналов воздействия государства на крестьянское землепользование стало землеустройство, которое в своей основе зависело от складывающейся системы советского аграрного права.

Согласно первым советским аграрным законам, единоличным хозяином земли стало государство, а распоряжение ею было сосредоточено в государственных земельных органах. Однако условия для перераспределения земли силами нового государственного аппарата оказались трудными в силу его слабости, неналаженности, отсутствия четких критериев передела. Поэтому решено было использовать передельный механизм сельской общины. При этом государство все же стремилось ограничить ее влияние, объявив передел земли временным [12, 149-154]. Следует учитывать, что их региональный размах имел свои особенности, но, к сожалению, конкретный масштаб внутриобщинных переделов сегодня определить не представляется возможным.

Уже на первом этапе советского землеустройства отчетливо обозначилась тенденция, которая проявилась в выходах крестьян на хутора, в интенсивных разделах, что могло стать предпосылкой фермерского типа хозяйства. Однако отмеченные явления не могли быть поддержаны советским государством, т. к. приходили в противоречие с существующими политическими идеалами, когда крестьянство рассматривалось как «временный» класс. В этом проявился типично «военно-коммунистический» взгляд на перспективы преобразований новой власти в деревне.

В условиях охватившего страну голода подъем сельского хозяйства рассматривался, прежде всего, как необходимое звено решения продовольственной проблемы. Необходимо было создать стабильную систему производства и отчуждения продовольствия от производителя. В условиях крестьянской страны, когда марксистские идеи с трудом воспринимались основной массой населения, не «вписывались» в крестьянскую экономику, а деревенская беднота не спешила объявлять войну деревенскому эксплуататору-кулаку; в условиях развалившейся экономики и тяжелейшего кризиса финансовой системы был найден способ изъятия продовольствия из деревни с помощью продразверстки. Труднее обстояло дело с организацией производства. Однако и здесь предлагалось спасти положение путем четкой организации партийно-государственных команд.

В декабре 1918 г. на I Всероссийском съезде земельных отделов комитетов бедноты и коммун была поставлена задача: «...Для того чтобы мы могли снабдить хлебом все не хлеборобные губернии и города, мы должны добиться того, чтобы у нас не было ни одной десятины незасеянной земли» [18, с. 23]. 28 января 1919 г. Совет народных комиссаров утвердил внесенный Народным комиссариатом земледелия проект декрета «Об увеличении посевной площади», согласно которому все земли, пригодные для посева хлебов и находящиеся в пользовании отдельных лиц или коллективных хозяйств, поступали в распоряжение государства. Работой по подготовке посевной площади руководил созданный при Наркомземе Комитет посевной площади.

Свою деятельность Оргасев (так часто называли Комитет посевной площади) начал с выяснения фонда пустующих земель. С этой целью на места были посланы уполномоченные комитета. Каждому из них выдавался открытый лист за подписью председателя Совнаркома, народного комиссара земледелия и народного комиссара продовольствия. В случае конфликтных ситуаций уполномоченный Оргасева наделялся правом приостанавливать решение любого местного земельного отдела по вопросам организации посевной площади [19, с. 64].

К весне 1919 г. площади незасеянных земель были определены. Только по девяти губерниям Европейской России они составили 1,7 млн десятин, а по стране в целом — около 4 млн десятин. Недостаток хлеба в стране, определяемый в 170 млн пудов, мог быть полностью покрыт за счет урожая с этих заброшенных во время войны земель. Приблизительно он оценивался в 200 млн пудов. Для расширения посевных площадей по ходатайству Наркомзема Советом народных комиссаров было выделено 700 млн руб., из них 300 млн должны были поступить крестьянам через систему местных органов Комитета посевной площади в качестве аванса за будущий урожай [2, с. 54-55].

Намеченное мероприятие не имело успеха — крестьянин не реагировал на призыв, стимул оказался недостаточным. Крестьянское хозяйство пыталось жить по своим собственным законам, с чем пролетарское государство не хотело, да и не умело считаться. Однако предпринятый опыт не был утрачен: к нему

вновь вернулись в условиях новой экономической политики при организации контрактации.

Следующий шаг государственного воздействия на крестьянскую экономику был связан с организацией снабжения семенами. Государство попыталось взять под свой контроль имеющиеся у крестьян семена, чтобы гарантировать хотя бы минимум посева. Эта утопическая идея не была обеспечена материально. Ее реализация требовала односортного материала, добротных складских помещений, квалифицированного агрономического персонала. Ни одного из этих условий государство обеспечить не могло. Тем не менее создание семенных фондов началось. Более того, идея оказалась настолько заманчивой, что к ней вернулись даже в условиях нэпа, в чем проявилось не только инерционное действие принципов «военного коммунизма», но и, прежде всего, стремление к широкому командному администрированию, имманентно присущему новой власти.

Система «заготовка семян — реализация семян населению» имела ряд ступеней и вовлекала в круг своей деятельности несколько ведомств. Осенью, по окончании сельскохозяйственных работ, Народный комиссариат закупал у населения по твердым государственным ценам «излишки» продовольствия и передавал их часть в заранее определенных размерах Наркомзему РСФСР в качестве семенного материала. Затем семена разверстывались по губерниям, внутри которых губернские земельные отделы распределяли их по уездам пропорционально потребностям. Уездные земотделы предоставляли полученные семена в первую очередь семьям красноармейцев и совхозам, во вторую — коммуна и кооперативным хозяйствам, а в третью — отдельно нуждающимся крестьянам. При этом семена отпускались по очень низким ценам, по которым органы Наркомпрода их заготавливали.

Одним из мероприятий Наркомзема в борьбе с массовыми недосевами стало создание на основе декрета Совнаркома от 6 марта 1920 г. погубернских семенных фондов. Во время весенней посевной кампании государство давало крестьянам семена в виде ссуды. Осенью, по получении урожая, они эту ссуду возвращали. Из полученного зерна образовался губернский семенной фонд, который находился в исключительном ведении земельных органов [20, с. 151].

Весной 1920 г. Тамбовской губернией в нуждающиеся районы было отправлено 1480 вагонов семенного материала — овса, проса, чечевицы. К этому же времени 500 тыс. пудов семенного зерна отправила Симбирская губерния. Казанская губерния вместо 500 тыс. пудов по заданию поставила 737 тыс. пудов овса. Омская губерния дала в марте 175 вагонов семенной пшеницы и 150 в апреле. В апреле же было перевезено 3106 вагонов семенного картофеля. Семенные фонды, созданные в губерниях Северного Кавказа и Поволжья, дали сверх нормы 547 вагонов ржи, 780,9 тыс. пудов пшеницы, 3766 тыс. пудов овса, 574,2 тыс. пудов гречихи и проса, 48,6 тыс. пудов семян трав. Эти семена были направлены во время осенней посевной кампании 1920 г. в нуждающиеся районы [6, с. 298]. Особенностью государственной политики в этот период была

«собесовская» помощь крестьянам, осуществляемая исключительно по классовому принципу.

Кажущиеся внушительными цифры проведенного органами государственной власти распределения лишь в незначительной степени соответствовали потребностям страны. Учитывая это, народный комиссариат земледелия обратился в Совнарком с просьбой принять самые решительные меры, чтобы спасти положение. От имени последнего всем губернским исполнительным комитетам советов и губземотделам была послана телеграмма, требующая «забронировать весь озимый урожай и обратить его на обсеменение озимого клина» [7, с. 21]. В соответствии с этой установкой, в каждой губернии весь урожай ржи, собраный летом 1920 г., ссыпался на государственные семенные склады, а осенью полностью использовался в качестве семян при посеве озимых хлебов. Для проведения этой работы были созданы губернские, волостные и сельские тройки из представителей Советов, продовольственных и земельных органов.

Как видим, мероприятия советского государства, связанные с системой землеустроительных работ, организацией посевных кампаний и уборки урожая, заготовкой семенного материала в государственных семенных фондах с последующим распределением семян среди крестьян и т. п., представляли собой не что иное, как непосредственное государственное вмешательство в крестьянскую экономику. Причем речь не шла о системе мероприятий, сочетающих интересы государства и производителей. Как правило, это было прямое государственное вмешательство в крестьянскую экономику, исходя из представлений о возможности быстрого перехода к социализму.

Несмотря на, казалось бы, огромные усилия по организации сельскохозяйственного производства, к концу гражданской войны посевные площади сократились со 110 млн до 75 млн десятин, т. е. на 1/3, преимущественно в районах товарного зернового хозяйства. Одновременно шел процесс натурализации земледелия. Наиболее сохранялись посевы ржи, проса, гречихи и других «малорыночных» культур, посевы же «высокорыночных» зерновых — пшеницы, ячменя, овса — и технических — льна, картофеля — резко снизились. В 12-16 раз к 1921 г. упало производство хлопка и сахарной свеклы. Скотоводство сократилось почти на 40%. Не случайно в документах VIII Всероссийского съезда Советов читаем: «Несмотря на все усилия рабоче-крестьянской власти, посевы в последние годы сократились, обработка земли ухудшилась, животноводство пришло в упадок» [22, с. 135]. Нужна была система экономических мероприятий по поднятию производительности сельского хозяйства.

Поиски такой системы привели к попытке планирования в государственном масштабе производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Впервые она была предпринята в декабре 1919 — январе 1920 гг. [27]. Этот вариант выхода из кризиса нашел отражение и в работе VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. При предварительном обсуждении в Наркомземе вопроса о выведении сельского хозяйства из кризиса выявились резкие противоречия между наркомом земледелия С. П. Середой и его заместителем Н. Осинским.

Несколько позднее Н. Осинский сумел убедить В. И. Ленина и VIII съезд Советов в необходимости довольно жесткого государственного регламентирования (планирования) производства в индивидуальных крестьянских хозяйствах. В результате С. П. Середина вынужден был уйти из Наркомзема, а идея, поддержанная съездом, обрела силу закона. Однако подход, не учитывающий взаимодействия социальных, экономических, материально-технических, культурно-исторических факторов, а также региональных особенностей развития сельского хозяйства, не мог быть эффективным. Не случайно уже на следующий день после окончания съезда В. И. Ленин писал: «Надо искать, надо думать».

В сложившихся исторических условиях продуктивной оказалась идея замены разверстки налогом и последующего рыночного развития народного хозяйства.

За восемь лет падения сельскохозяйственного производства потери основного капитала в нем были колоссальными. Тем не менее к 1927 г. сельское хозяйство практически достигло довоенного уровня: было восстановлено 97% довоенных посевных площадей и 101% — поголовья скота, т. е. около 33% потерь в посевах и около 40% в скоте. По данным Госплана СССР, до 1926 г. происходит сокращение беспосевных и малопосевных хозяйств и увеличение многопосевных (табл. 1).

Таблица 1

Динамика хозяйств по посеву
(1925-1926 гг.)

Table 1

Dynamics of farms for sowing
(1925-1926)

Годы	Удельный вес хозяйств (в %)					
	0,1-2 дес.	2-4 дес.	4-6 дес.	6-8 дес.	8-10 дес.	свыше 10 дес.
1925	4,7	34,0	15,7	6,3	2,6	2,8
1926	32,1	32,4	16,3	7,1	3,2	3,9
Рост уд. веса в 1926 г. по сравн. с 1925	97,4	95,6	103,8	112,7	123,1	139,3

Источник: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 85.
Д. 220. Л. 34

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85.
D. 220. L. 34

Из таблицы видно, что рост многопосевных хозяйств шел быстрее, чем сокращение малопосевных.

Резко увеличилось применение аренды, особенно у многопосевных хозяйств. По данным Госплана, в 1925 г. было арендовано 7,6 млн десятин земли, в 1927 г. — уже 15-18 млн десятин. Значительно увеличилось применение наемного труда в сельском хозяйстве (табл. 2).

Таблица 2

Динамика применения
наемного труда (1925-1926 гг.)

Table 2

The dynamics of the employment
of wage labor (1925-1926)

Группы хозяйств	Удельный вес хозяйств с годовыми или сроковыми рабочими (в %)		Удельный вес хозяйств с поденными рабочими (в %)	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
0,1-3 дес.	20,9	15,9	37,7	36,2
3-6 дес.	31,6	29,9	36,5	35,3
6-10 дес. и более	47,5 100	53,5 100	25,5 100	27,8 100

Источник: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 85.
Д. 220. Л. 28.Source: RGASPI. F. 17. Op. 85.
D. 220. L. 28

Следует иметь в виду, что в 1924-1925 гг. правительство, несмотря на активную оппозицию в партии и госаппарате, приняло ряд законов, расширяющих условия аренды и применение наемного труда в сельском хозяйстве. На первый взгляд законы отразили последовательность действий правительства в осуществлении программы нэпа. Но как тогда объяснить курс, связанный с активными поисками путей социалистической организации сельскохозяйственного производства, начавший набирать силу опять-таки в 1924-1925 гг.? Скорее всего, принятие этих законов было связано с ситуацией в партии и имело причины, более политические, чем экономические. Они стали отражением развернувшейся активной борьбы против Троцкого и правой опасности. Уже через год-другой их действие не просто ограничивается, а взамен им появляются иные, ориентирующие сельское хозяйство на новые организационные формы, и вытеснение тех, которые стимулировались в упомянутых выше законах.

Рассматривая такие показатели, как применение аренды и наемного труда, следует учитывать, что советские законы ограничивали применение наемного труда и допускали лишь трудовую аренду. Кроме того, аренда земли в 20-е гг. имела значительно меньшее распространение, чем в России до революции и в капиталистических странах (табл. 3). Представленные в таблице подсчеты сделаны профессором Н. Д. Кондратьевым по данным земской статистики и ЦСУ, а также материалам официальной статистики Германии, США. Как отмечает сам профессор, исчисления по России весьма приблизительны, относятся лишь к земским губерниям ее европейской части и построены на данных об аренде посевов. Тем не менее автор считает, что такой подход подтверждает отмеченную выше тенденцию.

Позитивные сдвиги в сельском хозяйстве, связанные с переходом к нэпу, не следует переоценивать. Если сравнить один из важнейших показателей уровня развития сельского хозяйства — состояние средств производства до войны

Таблица 3

**Использование аренды
в сельском хозяйстве**

	Хозяйств, арендующих землю (в %)	Земля под арендой (в %)
РСФСР (1926 Г.)	7,2	5,3
Россия перед войной	≈ 33,0	14,4
Германия (1925 г.)	25,9	12,4
США	38,1	27,7

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85.
Д. 163. Л. 12.

Table 3

Use of rent in agriculture

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85.
D. 163. L. 12

и во второй половине 20-х гг, то мы увидим, что снабжение ими сельского хозяйства осталось ниже довоенного. Обратимся к данным таблицы 4. Из них следует, что капиталовложения самих крестьян во все виды сельскохозяйственных орудий и средства производства в расчете на одно хозяйство растут, однако не достигают довоенного уровня.

Как уже отмечалось ранее, государство полностью контролировало сферу финансирования деревни. В течение всего исследуемого периода финансирование осуществлялось за счет бюджетных ассигнований. К концу 20-х гг. государству удалось полностью подчинить себе систему сельскохозяйственного кредита.

Таблица 4

**Величина капиталовложения
на одно крестьянское хозяйство
по РСФСР в довоенных ценах (руб.)**

Виды капиталов				В % к 1913 г.	
	1913 г.	1926/26 г.	1926/27 г.	1926/26 г.	1926/27 г.
Постройки	462,6	396,1	406,2	85,6	87,8
С/х инвентарь	67,4	42,5	45,4	63,1	67,4
Транспортный инвентарь	47,6	28,4	30,6	59,7	64,3
Весь инвентарь	115,0	70,9	76,0	61,7	66,1
Скот	285,6	232,7	237,0	81,5	83,0
Итого	863	699,7	719,2	81,1	83,3

Источник: РГАСПИ Ф. 17.
Оп. 85. Д. 163. Л. 20.

Table 4

**The amount of capital investment
per peasant farm in the RSFSR
in pre-war prices (rubles)**

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85.
D. 163. L. 20

Общий размер средств, вложенных в сельское хозяйство, составлял в 1927 г. 490 млн червонных рублей, или около 290 млн довоенных, т. е. около 12,1 довоенных руб. на одно хозяйство. При этом через систему налогов сельское хозяйство отдавало около 5 довоенных руб. (7,78 черв. руб.) с одного хозяйства, что составляло около 9,1% от условно чистого дохода крестьянского хозяйства и примерно соответствовало довоенному уровню [15, с. 24].

Таблица 5

Динамика посевных площадей в 20-е гг.

Table 5

Dynamics of sown areas in the 1920s

Годы	1913	1922	1924	1925	1926	1927
Посевы (в млн дес.)	109,0	75,0	91,2	96,7	102,8	105,5
% к 1913 г.	100	69	83,7	88,7	94,3	96,7
Ежегодный прирост (в %)	-	-	+10,8	+6,8	+6,4	+2,4

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 220. Л. 10

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85. D. 220. L. 10

Предпринимаемые государством усилия не дают ожидаемых результатов. Если до 1927 г. имел место рост посевных площадей, хотя и с заметно падающими темпами (табл. 5), то 1928 г. произошло снижение зерновых посевов (на 2,3%).

К концу 1920-х гг. темпы роста сельского хозяйства заметно снижаются. В первой половине периода средние темпы роста сельскохозяйственного производства в России составили примерно 10-15%, в США — 3-3,8%, а в довоенной России около 2,7% [15, с. 29]. Приведенные цифры показывают, что темпы роста сельского хозяйства в России в 1920-е гг. превышали и довоенный уровень, и темпы роста в США, но в США они продолжали расти, а в России отчетливо стала обнаруживаться тенденция к их снижению.

При оценке результатов государственного воздействия на крестьянство в 20-е гг. следует учитывать неудовлетворенные рыночные условия развития сельскохозяйственного производства. Оно испытывало недостаток в промышленных изделиях и страдало от их дороговизны при необоснованно низких ценах на сельскохозяйственные товары. В 1927 г. деревня получила с рынка лишь около 70-80% довоенной массы индустриальных товаров. Однако самой острой проблемой рыночных отношений было расхождение сельскохозяйственных и промышленных цен. Оно имело место и в других странах. Но, как показывает таблица 6, степень этого расхождения по РСФСР является наибольшей.

Таблица 6

Отношение индексов цен сельскохозяйственных и промышленных товаров (довоенное соотношение $\approx 100\%$)

Table 6

The ratio of price indices of agricultural and industrial products (the pre-war ratio of $\sim 100\%$)

Годы	США	РСФСР по оптовым ценам	РСФСР по розничным ценам
1922	77,5	80,9	76,0
1923	82,8	45,7	
1924	87,8	71,4	71,0
1925	93,6	89,1	86,6
1926	84,5	85,7	80,5

Источник: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 163. Л. 14.

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85. D. 163. L. 14.

Характерные показатели дает и экспорт сельскохозяйственных продуктов. В 1926 г. он снизился до 24% довоенного уровня, но при этом составил 80% всего экспорта СССР. Еще более характерны показатели импорта. По данным Народного комиссариата торговли, страна ввезла в это время продукции на 756 млн руб., но на нужды сельского хозяйства было направлено только 60 млн, т. е. 1/12 его часть, остальное же пошло в совхозы [16, с. 24].

Неблагоприятные экономические условия приводили к падению товарности сельского хозяйства. По данным Госплана на СССР, в 1926-1927 гг. уровень товарности сельского хозяйства снизился на 23% по сравнению с довоенным. Крестьянин, несмотря на все усилия государства, не только не увеличивал выпуск своей продукции, но и неизбежно должен был сокращать ее до уровня возможностей рынка. Таким образом, стимул к развитию сельскохозяйственного производства утрачивался.

Задача поддержания достаточных темпов развития сельского хозяйства, повышения его товарности и экспортных возможностей требовала осторожной в условиях новых общественных отношений, но поощрительной политики по отношению к трудовым высокотоварным хозяйствам. По данным Госплана СССР, несмотря на стимулирование государственной экономической политикой коллективных форм сельскохозяйственного производства, они давали не более 0,8-0,9% всей сельскохозяйственной продукции. Однако количество колхозов росло, их организация улучшалась, но удельный вес оставался совершенно ничтожным. Для усиления темпов роста здорового коллективного земледелия требовалось неизмеримо более высокая техническая база сельского хозяйства и повышение культурного уровня населения.

Государство продолжает искать возможности расширения производства сельскохозяйственной продукции. В этой ситуации довольно «интересный ре-

цепт» предложил Народный комиссариат торговли. При подсчетах для сравнения массы сельскохозяйственных и промышленных товаров, которые могли быть выброшены на рынок, рекомендовалось сопоставлять их денежное выражение, путем понижения цен на сельскохозяйственную продукцию создать ситуацию, когда крестьянин все-таки будет стремиться произвести больше при минимальном уровне закупочных цен, что в конечном счете обеспечит необходимую покупательную способность крестьянских хозяйств и не приведет к дефициту промышленных изделий. Дело дошло до абсурда. Но товарность сельского хозяйства, несмотря на рекомендации НКТ, падала. Крестьяне продолжали сокращать посевные площади.

В декабре 1928 г. Совнарком принял постановление, в котором ставилась задача за 5 лет поднять зерновое хозяйство на 30-35%. Эти цифры были признаны нереальными, и Госплан рекомендовал снизить их до 21%. Согласно экспертному мнению ученых Н. О. Огановского и А. Л. Вайнштейна, увеличение уровня производства зерна за пятилетку возможно было только на 6-10% [21].

После XV съезда ВКП(б) в прессе началась широкая пропаганда государственной контрактации. Речь шла о системе предварительных государственных заказов на сельскохозяйственную продукцию. Выдав крестьянину аванс за будущий урожай, государство надеялось обезопасить себя от возможных срывов в хлебозаготовках. Неудачи кампании 1927-1928 гг. подтолкнули к форсированию этой формы взаимоотношений с крестьянством.

23 января 1928 г. СНК СССР утвердил общий план контрактации, 21 февраля было принято специальное постановление по контрактации зерновых посевов, 23 марта — по хлопку, а 21 июля — по озимым. Намечалось законтрактовать по СССР 25 различных сельскохозяйственных культур на площади 8235 тыс. га при общей сумме авансов в 170 млн руб. [17, с. 59].

Отсутствие единого центра по руководству контрактацией создавало сложность учета этой работы. Последнее обстоятельство привело к полной неразберихе, а подчас и невозможности выявить данные — как по отдельным направлениям контрактации, так и обобщающего характера. Первоначально рабочим аппаратом по организации контрактации стала кооперация (табл. 7).

Таблица 7

Table 7

Охват хозяйств системой контрактации

Coverage of households contracting system

Всего законтрактовано	1926/27 г.	1927/28 г.
Площадь, законтрактованная с/х коопераций (в тыс. га)	1316,5	6943,5
Сумма средств (авансов), выданных по контрактации (в млн руб.)	60,2	122,6
Общее кол-во хозяйств, вовлеченных в контрактацию (тыс.)	973,6	3101,7

Источник: РГАСПИ. Ф. 17.
Оп. 85. Д. 340. Л. 59.

Source: RGASPI. F. 17. Op. 85.
D. 340. L. 59

Интересными представляются данные о распределении законтрактованных посевов по категориям хозяйств. Единоличные крестьяне среди них составляли только 11,8%, колхозы — 21,2%, остальные — посевные товарищества, земельные общества и прочие крестьянские объединения. Из всей законтрактованной крестьянской площади 40,7% — посевы бедняков, 57,7% — середняков и только 1,6% — зажиточных крестьян [17, с. 61,62]. При контракции посевов крестьянам выдавался аванс в размере 9 руб. на гектар при условии проведения зяблевой вспашки (при ее отсутствии он уменьшался до 7 руб.). Бедняки к тому же получали пятидесятипроцентную надбавку [17, с. 79].

Несмотря на кажущиеся выгоды, крестьяне крайне неохотно шли на контракцию. В условиях рынка они не всегда выполняли условия даже заключенных договоров. В районах, где существовали высокие цены на хлеб, контрактанты продавали его на местном рынке, уплачивая государству неустойку. В ряде мест, например в Среднем Поволжье, крестьяне отказывались брать деньги за контракт посевов. Но, как сообщается в пояснительной записке к материалам о контракции, направленным в ЦК партии: «Несмотря на все отговорки, по-видимому, ничего лучше в данный момент получить невозможно» [17, с. 50].

Более того, этот путь представлялся наиболее надежным и в будущем. В кампанию 1928-1929 гг. предполагалось расширить масштабы контрактации, заключив договоры на несколько лет вперед. Она должна была осуществляться исключительно через организованных посевщиков, для чего «необходимо принять меры к их объединению в посевные товарищества или другие производственные коллективы» [17, с. 94].

В 1929 г. мыслилось охватить все посеы хлопка, свеклы, большую часть посевов льна, 15 млн га посевов зерновых. Все это должно было обеспечить поступление в распоряжение государства около 1/3 товарного крестьянского хлеба. Контрактация стала апофеозом государственного вмешательства в жизнь крестьян, которые видели в ней один из путей перехода к массовой коллективизации.

Таким образом, к концу 1920-х гг. государство возвращается к мерам самой крайней регламентации индивидуального крестьянского хозяйства, подготовив тем самым «решительный бросок» в сторону его уничтожения. Будущее ошибочно связывалось с крупным индустриальным производством, в том числе и в сельском хозяйстве. Мелкое хозяйство объявлялось неперспективным. Результатом стало стремление к огосударствлению всех сфер крестьянской экономики, переход от наметившихся было рыночных отношений к государственной контрактации, форсированию развития социалистического сектора при отсутствии экономической и психологической готовности крестьян, составлявших большинство населения страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2014. 486 с.
2. Вестник Народного комиссариата земледелия. 1919. № 1.
3. Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960-е гг. Очерки / Е. Н. Городецкий. М.: Наука. 1982. 384 с.
4. Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября (1917 — середина 30-х годов). Очерки / Е. Н. Городецкий. М.: Наука. 1981. 368 с.
5. Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения советского крестьянства / В. П. Данилов // Проблемы аграрной истории советского общества. М.: Наука. 1971. С. 212-246.
6. История социалистической экономики СССР: в 7 т. / ред. И. А. Гладков; Акад. Наук СССР, Ин-т экономики. Москва: Наука, 1976. Т. 1: Советская экономика в 1917-1920. 448 с.
7. Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920) / Б. Н. Книпович. Москва: Госиздат, 1921. 46 с.
8. Конанерова Е. Н. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX-XXI вв.): автореф. дис. канд. ист. наук / Е. Н. Конанерова. Пенза. 2007.
9. Кондрашин В. В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. М.: РОССПЕН. 2009. 575 с.
10. Крестьяне и власть: Материалы конференции. Тамбовский государственный технический университет, Московская высшая школа социальных и экономических наук. М.: Тамбов. 1996. С. 4-23.
11. Маневич В. Е. История развития советской экономической мысли в 20-е годы (основы концепции) / В. Е. Маневич // Вопросы экономики. 1989. № 10. С. 46-74.
12. Носова Н. П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917-1929) / Н. П. Носова. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1993. 345 с.
13. Погудин В. И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк / В. И. Погудин. М.: Мысль. 1975. 276 с.
14. Рогалина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века / Н. Л. Рогалина. М.: Энциклопедия Российских деревень. 2010. 230 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 163.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 338.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 340.
18. Российский государственный архив экономик и (РГАЭ). Ф. 478. Оп.1. Д. 10.
19. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 11. Д. 31. Д. 40.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 252.
21. Стенограмма заседания Аграрного института Комакадемии 17.XII.1928 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 338. Л. 79.
22. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: сборник документов (1917-1936 гг.): в 3 т. / гл. ред. М. П. Георгадзе. М.:

- Госюриздат, 1959. Т. 1: Съезды Советов РСФСР и Автономных Республик РСФСР. 1917-1922 гг. 836 с.
23. Телицын В. Л. «Бесмысленный и беспощадный». Феномен крестьянского бунтарства / В. Л. Телицын. 1917-1922 гг. М.: НДП Медиа, 2003.
  24. Фигуровская Н. К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х гг. / Н. К. Фигуровская. М.: Наука, 1978. 258 с.
  25. Фигуровская Н. К. Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х — 30-е гг. / Н. К. Фигуровская. М.: Наука, 1983. 384 с.
  26. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905-1907-1917-1922 / Т. Шанин. М.: Весь мир. 1997. 560 с.
  27. Экономическая жизнь. 1920. 21 октября.
  28. History of the Russian peasantry in the 20th Century (volume 1). Tokyo. 2002. 152 p.
  29. History of the Russian peasantry in the 20th Century (volume 2). Tokyo. 2004. 157 p.
  30. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers / M. Lewin. Princeton: Princeton University Press. 1974. 127 p.
  31. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925 / T. Shanin. Oxford: Oxford University Press. 1972. 253 p.

Natalia P. NOSOVA¹

**FROM THE TSARISM TO THE NEW ECONOMIC POLICY.
THE REGULATION PROBLEMS OF THE MULTISTRUCTURE
PEASANT ECONOMY OF SOVIET RUSSIA
IN THE DISCOURSE OF THE STATE POWER**

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of State and Municipal Administration,
Tyumen State University
nosova-np@mail.ru

Abstract

This article attempts to identify the specifics of the multistructure peasant economies management from the point of view of studying the features of the paradigm shaping — a model of relationship with the majority of the population that does not form political background. First of all, the problem is considered within the scope of the methodology of political discourse as the analysis of the explicit and implicit political meanings of the emergence of a new power.

The analysis reveals that both sectors of the peasant economy — individual and socialist — were developed during the entire period under investigation. However, the opportunities for their development were not equal. A “military-communist” management system was formed in the extreme conditions of the revolution and civil war. It employed forced methods, dictated by circumstances, and elements of a socialist assault. The search for a compromise with the peasantry led to a revival of commodity-money relations and the market at the end of the Civil War. Success in revitalizing and restoring agriculture was obvious.

The material, which is analyzed in the article, shows that by the end of the 1920s the state returned to the measures of the most extreme regulation of the individual peasant economy and prepared a “decisive throw” towards its destruction. The future was mistakenly associated with large-scale industrial production, including agriculture. Small-scale farming was declared as non perspective.

Citation: Nosova N. P. 2017. “From The Tsarism to the New Economic Policy. The Regulation Problems of the Multistructure Peasant Economy of Soviet Russia in the Discourse of the State Power”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 191-209.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-191-209

As a result, these measures led to the nationalisation of all spheres of the peasant economy, transition from the emerging market relations to the state contracting, forcing the socialist sector development in the absence of economic and psychological readiness of the peasants, who constituted the majority of the population.

Keywords

State regulation, agriculture, peasant farming, the Soviet state, a new economic policy, “military communism”.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-191-209

REFERENCES

1. Danilov V. P. 1971. “Osnovnye itogi i napravleniya izucheniya sovetskogo krest'yanstva” [The Main Results and Directions of the Study of the Soviet Peasantry]. In: Problemy agrarnoy istorii sovetskogo obshchestva, pp. 212-246. Moscow: Nauka.
2. Ekonomicheskaya zhizn' [Economic Life]. 1920. October 21.
3. Figurovskaya N. K. 1978. Agrarnye problemy v sovetskoy ekonomicheskoy literature 20-kh gg. [Agricultural Problems in the Soviet Economic Literature of the 1920s]. Moscow: Nauka.
4. Figurovskaya N. K. 1983. Razvitie agrarnoy teorii v SSSR. Konets 20-kh — 30-e gg. [Development of the Agricultural Theory in the USSR. The Late 1920s-30s]. Moscow: Nauka.
5. Georgadze M. P. (ed.). 1959. S"ezdy Sovetov Soyuzo SSR, soyuznykh i avtonomnykh Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: sbornik dokumentov (1917-1936 gg.) [Congresses of Soviets of the USSR, Union and Autonomous Soviet Socialist Republics: a collection of documents (1917-1936)] in 3 vols. Vol. 1. S"ezdy Sovetov RSFSR i Avtonomnykh Respublik RSFSR. 1917-1922 gg. [Congresses of Soviets of the RSFSR and Autonomous Republics of the RSFSR. 1917-1922]. Moscow: Gosyurizdat.
6. Gladkov I. A. (ed.). 1976. Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR [History of the Socialist Economy of the USSR] in 7 vols. Vol. 1 Sovetskaya ekonomika v 1917-1920 [The Soviet Economy in 1917-1920]. Moscow: Nauka; USSR Academy of Sciences, Institute of Economics.
7. Gorodetskiy E. N. 1981. Sovetskaya istoriografiya Velikogo Oktyabrya (1917 — seredina 30-kh godov). Ocherki [Soviet Historiography of the Great October Revolution (1917 — Middle of the 30s). Essays]. Moscow: Nauka.
8. Gorodetskiy E. N. 1982. Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy Velikogo Oktyabrya. 1930- 1960-e gg. Ocherki [Historiographic and Source Study Problems of the Great October Revolution. 1930-1960s. Essays]. Moscow: Nauka.
9. Knipovich B. N. 1921. Ocherk deyatelnosti Narodnogo Komissariata Zemledeliya za tri goda (1917-1920) [Essay on the Activities of the People's Commissariat of Agriculture for Three Years (1917-1920)]. Moscow: Gosizdat.
10. Konanerova E. N. 2007. “Mezhdunarodnye nauchnye proekty po agrarnoy istorii Rossii (konets XX-XXI vv.)” [International Scientific Projects on the Agricultural History of Russia (Late XX-XXI Centuries)]. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Penza.

11. Kondrashin V. V. 2009. *Krest'yanstvo Rossii v grazhdanskoy voyne: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The Peasantry of Russia in the Civil War: The Question of the Stalinism Origins]. Moscow: ROSSPEN.
12. Lewin M. 1974. *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton: Princeton University Press.
13. Manevich V. E. 1989. "Istoriya razvitiya sovetской ekonomicheskoy mysli v 20-e gody (osnovy kontseptsii)" [The History of the Development of Soviet Economic Thought in the 1920s (The Basis of the Concept)]. *Voprosy ekonomiki*, no 10, pp. 46-74.
14. Nosova N. P. 1993. *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo Sovetskoy Rossii (1917-1929)* [To Manage or to Command? State and Peasantry of Soviet Russia (1917-1929)]. Moscow: Moscow State University.
15. Okuda H. (ed.). 2002. *History of the Russian Peasantry in the 20th Century*, vol. 1. Tokyo.
16. Okuda H. (ed.). 2004. *History of the Russian Peasantry in the 20th Century*, vol. 2. Tokyo.
17. Pogudin V. I. 1975. *Put' sovet'skogo krest'yanstva k sotsializmu. Istoriograficheskiy ocherk* [The Way of the Soviet Peasantry to Socialism. Historiographical Sketch]. Moscow: Mysl'.
18. RGAE (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki). F. 478. Op. 1. D. 10.
19. RGAE. F. 478. Op. 1. D. 252.
20. RGAE. F. 478. Op. 11. D. 31. D. 40.
21. RGASPI (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii). F. 17. Op. 85. D. 163.
22. RGASPI. F. 17. Op. 85. D. 338.
23. RGASPI. F. 17. Op. 85. D. 340.
24. Rogalina N. L. 2010. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka* [Power and Agricultural Reforms in Russia in the 20th Century]. Moscow: Entsiklopediya Rossiyskikh dereven'.
25. Samara University. 2014. *Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki* [Agricultural History of the 20th Century. Historiography and Sources]. Samara: Izd Samara University.
26. Shanin T. 1972. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925*. Oxford: Oxford University Press.
27. Shanin T. 1997. *Revolutsiya kak moment istiny. 1905-1907-1917-1922* [Revolution as a Moment of Truth. 1905-1907-1917-1922]. Moscow: Ves' mir.
28. Stenogramma zasedaniya Agrarnogo instituta Komakademii 17.XII.1928 [Record of the Meeting of the Agricultural Institute of the Commissariat December 17, 1928]. RGASPI. F. 17. Op. 85. D. 338. L. 79.
29. Tambov State Technical University, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. 1996. *Proceedings of the Conference "Krest'yane i vlast"*, pp. 4-23. Moscow: Tambov.
30. Telitsyn V. L. 2003. "Bessmyslenny i besposhchadny". *Fenomen krest'yanskogo buntarstva. 1917-1922 gg.* Moscow: NDP Media.
31. *Vestnik Narodnoho komissariata zemledeliya*. 1919. No 1.